

Научная статья /
Research Article

УДК 821.352.3
ББК 83.3(2=602)6

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XX В. (К АКСИЛОГИИ ПЕРЕЧТЕНИЯ)

© 2022 г. Ю.М. Тхагазитов, Л.Б. Хавжокова
*Институт гуманитарных исследований,
Кабардино-Балкарский научный центр Российской
академии наук, Нальчик, Россия*
Дата поступления статьи: 18 августа 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 29 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 марта 2022 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-356-367>

Аннотация: Основная цель статьи заключается в изучении органичного сочетания проблемно-содержательных и художественно-стилевых аспектов в дальнейшем развитии шогенцуковских традиций в кабардинской литературе. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующей основной задачи: раскрыть суть национальных традиций и художественный опыт русской литературы как основу взаимообусловленности «своего» и «чужого» в становлении художественного мира основоположника и классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова (1900–1941). В соответствии с целью и задачей исследования авторами статьи предлагается гипотеза о том, что творчество А. Шогенцукова — не только история становления национальной литературы, а также живое участие в современном национальном литературном процессе. В ходе исследования получены следующие результаты: преодолена сутобо идеологическая интерпретация творчества Али Шогенцукова и закреплено представление о его роли в эволюции национального литературного процесса.

Ключевые слова: эволюция, эстетическая актуальность, индивидуальное мифологизирование, новая художественность.

Информация об авторах:

Юрий Мухамедович Тхагазитов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, ул. Пушкина, д. 18, 360051 г. Нальчик, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

E-mail: yutkhag@gmail.com

Людмила Борисовна Хавжокова — кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, ул. Пушкина, д. 18, 360051 г. Нальчик, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М., Хавжокова Л.Б. Али Шогенцуков и национальный литературный процесс XX в. (к аксиологии перечтения) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 356–367. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-356-367>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

ALI SHOGENTSUKOV AND THE NATIONAL LITERARY PROCESS OF THE 20TH CENTURY (TO THE AXIOLOGY OF RE-READING)

© 2022. Yuri M. Tkhagazitov, Lyudmila B. Khavzhokova
Institute for the Humanities Research, Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
Received: August 18, 2021
Approved after reviewing: September 29, 2021
Date of publication: March 25, 2022

Abstract: The main purpose of the article is to study the organic combination of problem-content and artistic-stylistic aspects in the further development of Shogentsukov's traditions in Kabardian literature. To achieve this goal, it seems necessary to reveal the essence of national traditions and the artistic experience of Russian literature as the basis for the interdependence of "ours" and "theirs" in the formation of the artistic world of the founder and classic of Kabardian literature, Ali Askhadovich Shogentsukov (1900–1941). In accordance with the purpose and task of the study, the authors of the article propose a hypothesis that not only does Shogentsukov's work belong to the history of national literature and its development, it is also a lively contribution to the modern national literature. The article overcomes a purely ideological interpretation of Ali Shogentsukov's work and consolidates the idea of his role in the evolution of the national literary process.

Keywords: evolution, aesthetic relevance, individual mythologization, new artistry.

Information about the authors:

Yuri M. Tkhagazitov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute for the Humanities Research, Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Pushkin St., 18, 360051 Nalchik, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

E-mail: yutkhag@gmail.com

Lyudmila B. Khavzhokova, PhD in Philology, Head of Department of Kabardino-Balkarian Literature, Institute for the Humanities Research, Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Pushkin St., 18, 360051 Nalchik, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

For citation: Tkhagazitov, Yu.M., Khavzhokova, L.B. "Ali Shogentsukov and the National Literary Process of the 20th Century (to the Axiology of Re-reading)." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 356–367. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-356-367>

Творчество основоположника советской кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова (1900–1941) всегда являлось объектом пристального внимания литературоведов и критиков. Пожалуй, нет ни одного адыгского¹ автора, чьи тексты анализировались бы так же часто, ни одного автора, цитаты которого служили аргументами в столь широком диапазоне научно-гуманитарного поиска.

Доподлинно мы не знаем реального статуса А. Шогенцукова в глазах его современников — не весь Северный Кавказ был в восторге от идеологической, культурной среды новой Советской России. К тому же А. Шогенцуков выступал одним из активных деятелей, формировавших этот незнакомый, насыщенный внутренними конфликтами контент. По сути дела, противоречивое духовное пространство, актуализированное жесткими границами идеологических норм, в которых жила и функционировала мысль адыгского художественного (культурного) сознания, официальная востребованность концептуалистики кабардинского поэта на протяжении всех десятилетий существования СССР явились причиной того очевидного обстоятельства, что и в недавнем прошлом, и сегодня фигура А. Шогенцукова представляет собой некий непостижимый бинарно-виртуальный образ. В первой и уже привычной своей ипостаси — это некая умозрительная фигура, относящаяся, скорее, к ряду многочисленных идеологем советского общества и положений теории социалистического реализма; во второй — творческая личность, мотивацию, уровень одаренности, систему ценностных критериев и эстетических стандартов которой попросту обходят фигурой традиционно почтительного умолчания.

1 Адыгские — адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья авторы.

Национальное своеобразие писателя и тем более его индивидуальность человека и творца оказались подменены его функциями провозвестника нового мира, проводника новой идеологии, иногда реализованными в обличениях этнического прошлого, причем не всегда правомерными. Тем не менее, сейчас уже ясно, что творчество А. Шогенцукова не может расцениваться как только своеобразная советская культурно-поколенческая тенденция. Десятилетия живого читательского интереса к его произведениям, сохранение суггестивного потенциала его текстов даже в пространстве современной адыгской культуры и художественной словесности — свидетельство его индивидуальной значимости, его масштабного мышления и глубокой интегрированности в структуры адыгского этноментального сознания и национально-языковой стихии.

Основатель и главная действующая фигура советской кабардинской литературы начальных этапов ее становления и развития, ученик баксанских просветителей², вне всякого сомнения, сохраняет свою эстетическую актуальность именно ввиду органической связи со значимыми структурами мифопоэтического сознания, «религиозно-бессознательного» мышления, национальной специфики художественной рефлексии. И важно, что А. Шогенцуков в новых условиях демифологизирует адыгский этикет — «духовную конструкцию бытия», с его цикличностью и полнотой восприятия национального бытия, распавшегося под натиском «чужой» истории. Т. е. «напряжение между “реальной действительностью” и “парадигмой будущего” придает утопии историзм и укореняет ее в соответствующей эпохе...» [5, с. 51]. Таким образом, творчество А. Шогенцукова в целом — это национальная реконструкция «чужой утопии». Отсюда его этико-эстетическая рефлексия и «своя» оппозиция к национальной истории (см.: [2]), определившая для поэта «эсхатологическое» направление его творческой эволюции в контексте противоречивых культурно-цивилизационных процессов. А. Шогенцуков понимал, что столь сложная задача — вписаться в «красные тридцатые» — может быть решена только в том случае, если, создавая новую для этноса картину мира и осваивая литературные традиции русской и европейской литературы, он сумеет тем не менее остаться национальным поэтом.

² Основатели Баксанского просветительского центра (начало XX в.) — Адам Дымов, Нури Цагов, Махмуд Гугов.

А. Шогенцуков вбирает в свой художественный мир представления и структуры развитых литератур и выстраивает его по координатам непреходящих этико-эстетических традиций и ценностей, верность которым он переводит, как и национальную литературу, не в «идеальное» эпически-циклическое, а историческое измерение. Но в утвержденной А. Шогенцуковым национальной поэтике все же ощущается некоторая «разорванность» художественного восприятия эпической полноты бытия народа. И эту тенденцию в кабардинской литературе, развивая традиции поэмы-эпопеи «Камбот и Ляца» [14], преодолевает Алим Кешоков на следующем этапе развития литературы в диалогии «Вершины не спят» [10], где автор «возвращает» национальной культуре эпически целостное мировосприятие, в которой по-новому озвучиваются все звенья национальной традиции.

Плодотворным путем осмысления-переосмысления наметившейся идеологизации литературы первой половины XX в. была трансформация поэтической рефлексии А. Кешоковым в пределах конфликтной модели: именно в его произведениях намечился, а затем и оформился переход от обобщенного коллективного «мы» к условно-индивидуальному «я».

Условно-индивидуальное «я» как опосредованная форма «мы», обязательная «высокая» тематика, проблематика, пафос и обращение к рефлексии коллективного характера превалировала в кабардинской литературе вплоть до начала творческой деятельности Зубера Тхагазитова.

Подчеркнем, что мировоззренческое состояние кабардинской литературы зафиксировано еще в творчестве А. Шогенцукова; взгляды первого кабардинского советского поэта, будучи в высокой степени инкорпорированы в общие модели социалистической витальности, все же полностью определялись диалектикой «линейной» и обратной эволюции соотношения *миф – эпос – этика: этика – эпос – миф*. Поэтому проблема теоретического освоения институциональных основ национальной специфики, взаимообусловленности долитературных и литературных традиций продолжает оставаться основополагающей для адыгской гуманитарной мысли.

Дело в том, что к середине-концу XVIII в. как героический эпос, так и феодальная адыгская соционормативная культура достигают пика структурного развития, а это, естественно, предполагает и начало процессов их угасания. Последние, как следствие социального кризиса, порождают два равнозначных, равновеликих в контексте национального художественного

сознания устремления: личностное сознание, в поисках идеологического фундамента осмысливающее эпическую историю народа (Ш. Ногмов), и индивидуализация эпического сознания с его закрепившимися в фольклорно-религиозном мышлении самодостаточными центростремительными тенденциями (цикл сказаний о Жабаги [12; 13]).

Национальная литература во многом условно, конечно же, но вполне очевидно разветвляется на две основные художественно-стилевые тенденции развития, каждая из которых сформировалась под несомненным влиянием основоположника кабардинской советской литературы: а) *миф – эпос – этика*: героический эпос «Нарты» – Шора Ногмов – Али Шогенцуков – Алим Кешоков – Руслан Ацканов («эпическое мифологизирование»), б) *этика – эпос – миф*: цикл сказаний о Жабаги Казанок – Бекмурза Пачев – Али Шогенцуков – Зубер Тхагазитов – Сафарби Бейтуганов – Хабас Бештоков – Афлик Оразаев, где творческая индивидуальность переосмысливает мифо-эпическую традицию культуры на уровне «индивидуального мифологизирования» [1, с. 3]. Синтез обозначенных художественно-стилевых тенденций реализуется в произведениях «первых среди равных» творческих индивидуальностей, однако при неоспоримом и активном участии писателей «второго ряда». При этом выделенный, дифференцированный анализ национальной этики позволит нам более аргументированно обосновать направление развития творчества А. Шогенцукова и инициированных им эволюционных линий современной кабардинской литературы. Здесь нас тоже «интересует состояние, поведенческие и культурные приоритеты словесности в кризисной ситуации... в сходстве и отличиях национальных версий» [3, с. 26].

Важно проанализировать еще одну сторону соотношения *миф – эпос – этикет*, имевшую для новописьменных литератур немаловажный характер — это миф творимый сознательно. Сложное соотношение мифа народного и мифа творимого является характерным не только для новейшей западной прозы, но и для многонациональной литературы Советского Союза, правда не столько в творческом плане, сколько в плане социальной и политической адаптации. И не всегда интеграция различных генерационных эстетических начал интенсифицировала литературный процесс. Так, взаимодействие двух типов мифологизирования («эпическое» и «индивидуальное» мифологизирование) в кабардинской литературе часто ограничивало диапазон восприятия действительности, подчеркивая несоответствие движения национальной

истории изображенному национальному миру, замыкая последний в конвенциональных границах псевдогармонии природного и социального. Сегодня такие негативные тенденции в новописьменных литературах преодолеваются различными способами, но в первую очередь полемикой с устоявшейся в 60–80 гг. XX в. литературной традицией.

Движение литературы от идеологически целостного восприятия к его «разрушению» не является целью дискуссии эстетических стандартов, в прямой и опосредованной форме ведущейся вот уже более четверти века, но даже в контексте буквального восприятия «ускоренного развития литературы» появление в кабардинской литературе такого произведения, как «Каменный век» [9] Х. Бештокова, казалось далекой перспективой. Однако уже к началу 80-х гг. прошлого века в кабардинской поэзии сложилась сколь парадоксальная, столь же, по всей видимости, типичная для новописьменных литератур ситуация. Национальные авторы, пытаясь вырваться из оков эстетических доктрин «развитого социализма», основным средством видели фольклор, справедливо полагая, что наиболее архаичные формы из них лишены не только идеологического, но и социального содержания. Тем не менее опыт социалистических литератур свидетельствует — прессинг государства обусловил проникновение в тексты советского периода (явление, четко наблюдаемое по меньшей мере до начала 1980-х гг.) именно идеологически переосмысленных элементов, начиная от сюжетных схем и заканчивая точечными характеристиками героев. В произведениях проникали, прежде всего, структуры, выступавшие аргументами идеологических деклараций: образы героев-борцов за социальную справедливость, секуляризованные в соответствии с официальной эстетикой символы.

Система художественных ценностей (не только их — в равной степени это касалось и исторических представлений народа и его этнораритетов) фактически пришла к тому положению, при котором существенной становилась лишь оценка используемого образа, его соответствие-несоответствие стандартам идеологического плана. Сами принципы модальной идентификации описываемого при этом не менялись. Использование фольклорных элементов становилось компонентой идеологии — традиционной советской в большинстве случаев либо оппозиционной идеологии осознанного этницизма. И в том, и в другом случае структуры народной словесности функционировали на концептуально-понятийном уровне, практически не влияя на суггестивный по-

тенциал и художественную достоверность текстов, фольклорные апеллятивы превратились по сути дела в разноплановую, но по существу идеологическую атрибутику. Необходимость отказа от понятийной — социально и национально значимой — интерпретации прямых и косвенных заимствований из фондов устного народного творчества стала очевидной уже к концу 1970-х гг.

Важность преодоления инерции деидеологизации национальной литературы и творческой полемики Х. Бештокова в «Каменном веке» в этом смысле очевидна и однозначна. Автор намеренно и осознанно дистанцировался от национального обозначенного и одновременно от социального подхода, уведя событийное и объектное поле произведения в доэтническое и, разумеется, досоциальное бытие человека.

Как справедливо заметила Ф. Урусбиева, «Каменный век» — это «борьба двух доисторических племен, дореев и эминеев, которые существуют в поэме не в исторической и национальной определенности, а как архетипы будущих народностей» [5, с. 134]. «На примере войны двух древних племен, — отмечает М.А. Хакушева, — автор в экспрессивно-выразительной художественной манере отражает один из самых важных моментов истории, когда на смену принципу справедливости с позиции силы приходит нравственный императив. Парадокс заключается в том, что в войне дореев и эминеев нет победителей, но проигравшими оказываются все» [7, с. 146].

«Каменный век» олицетворяет феномен «становления в кабардинской литературе новой художественности, которая является результатом соединения анимистического пласта в языке с художественным опытом развитых литератур, будь то поток сознания или мифологизация действительности. Появление такого романа в молодых литературах казалось далекой перспективой, ибо инерция национальной литературы, воспевавшей уже несуществующее единство личности и общества, была еще более чем ощутима. Отсюда творческая полемика с традицией (литературной и долитературной) во всей ее протяженности» [4, с. 229].

Роман-миф Х. Бештокова «во многом определил новый уровень развития адыгской литературы» [8, с. 106]. Творческая полемика с национальной классикой, поначалу являвшаяся необычной формой связи с традицией, по несчастью или к счастью, вылилась в дальнейшем творчестве Х. Бештокова (уже в далеко нешогенцуковско-кешоковские времена) в затнувшееся раздражение видом пизанской башни соцреализма.

К ряду пиковых достижений кабардинской лирики в полной мере следует отнести и сонеты Руслана Ацканова с их нетривиальными визуальными трактовками национальных образов. Его колористика, равно как и ощущения от описываемых объектов, отмечены странной и совершенно неожиданной тягой к единению казалось бы взаимоисключающих качеств. Контрастное противопоставление цветов, предельный кларизм в их употреблении с доминирующим предпочтением очевидных спектрально-чистых тонов и одновременно текучесть, пластичность и размытость восприятия в процессуальных режимах. Взгляд Р. Ацканова в этом плане одинаково чуток и к жесткой линии горизонта, видимой им в полной однозначности соотношения «светлый – темный», и к переливающейся пастели цветов, мимо которых протекает взор поэта на пути к месту соединения земли и неба.

В определенном смысле слова можно утверждать, что лирика Р. Ацканова замыкает одну из упомянутых эволюционных линий кабардинской поэзии, и весьма показательным видится то обстоятельство, что в некоторых базовых чертах она весьма близка текстам Афлика Оразаева — столь же очевидного носителя характеристик альтернативного вектора развития национального художественного слова. Ему так же свойственны сочетания колористических контрастов с зыбкостью и переменчивостью цветовых картин. Оба поэта болезненно равнодушны к ключевым пространственным концептам, переходящим в бесспорные сензитивно-маркированные образы, природа которых синтетически объединяет не только устоявшиеся в художественном сознании материальные атрибуты национального Универсума, но и осуществляют нетривиальный переход от представления-объекта к представлению-процессу — с соответствующими, естественно, нюансами возникающих при этом переходе смыслов. И с этой точки зрения стабильные ориентиры Вселенной в текстах обоих авторов рефлекторно равнозначны эфемерным сущностям, передающим свое непостоянство окружающему миру, Космосу в целом. И посему семантически неоднозначные концепты Р. Ацканова и А. Оразаева, как и феноменологические «текучие» объекты («дождь», «снег», «свет», «ветер» и др.) — не просто индивидуальные слепки с реалий бытия. Их зыбкость — по крайней мере в одной из ипостасей — тревога поэтов о будущем. Это, прежде всего, ощущение неустойчивости и хрупкости национального бытия, аутентичного этнического существования, и уязвимость такового ощущается Р. Ацкановым и А. Оразаевым как незащищенность мироздания

в целом. Именно в произведениях этой плеяды, во многом завершающей целую череду трансформаций кабардинского эстетического мышления, появляются выраженные апокалиптические мотивы, столь редкие для авторов новописьменных литератур. Можно долго рассуждать на тему тематической универсальности развитых и неразвитых литературных систем, но отрицать очевидный и бесспорный философский посыл некоторых поэтических текстов не приходится:

Ни закатов, ни ярких восходов,
Ни назад, ни вперед — ни следа,
Лишь стенает теперь непогода
На тропе, что ведет в никуда.

[11, с. 109]

Еще одним вектором развития кабардинской поэтической мысли, заложенным А. Шогенцуковым и оказавшим решающее влияние на формирование новой художественности, оказался процесс «стяжения» пространственных поэтических и повествовательных жанров в национальной литературе. Наиболее показательные его образцы сконцентрированы в лучших афоризмах и миниатюрах С. Бейтуганова, преодолевшего «фольклорный реализм» в русле традиционных аксиологических ориентиров. Самое удивительное — его тексты нельзя расценивать как чисто литературное явление новой генерации, они полностью сохраняют свой этический, дидактический и рекреативно-жизненный потенциал, являя собой концентрированные резюме, сделанные по реальным наблюдениям за сегодняшней действительностью. Подтверждением сказанному может служить удивительное соответствие миниатюр тем или иным моментам современной и противоречивой жизни. И при всей противоречивости некоторых публикаций С. Бейтуганова на самые различные темы, они для национальной литературы отмечены главным — «духом сомнения», преодолением зависимости от однозначной логики «фольклорного реализма». Его лучшие эссе и афоризмы — это творческая полемика с идеализацией «светлого» прошлого, индивидуализации традиционного общественного сознания, но в абсолютно определенных и жестких формальных и этико-эстетических границах этого самого прошлого и традиционного. По большому счету С. Бейтуганов реализовал

одну из ресурсных возможностей национального эстетического мышления, и причудливый синтез новационного смысла его миниатюр и их этической дидактики в высшей степени ожидаем. Ожидаем, ибо в кабардинской литературе соотношение *миф – эпос – этикет* зримо определяет ее эволюционный мейнстрим, и, закономерно, не исключается возможность совпадения и неразрывного переплетения различных типов художественного сознания и различных художественно-стилевых тенденций, которые могут взаимодействовать как в художественном мире одного писателя, так и в структуре одного литературного произведения.

Глобализационные процессы, столь противоречивые для традиционных культур, — явление объективное. На этапе очевидного кризиса традиционной кабардинской культуры возвращение к опыту литературной классики, творчеству А. Шогенцукова, конечно же, является необходимым шагом. Ведь именно он сумел интегрировать национальные этические и эстетические модели в систему унификации и нивелировки идеологической и политической реальности первых лет Советской власти — в сущности встроился в современный ему глобализационный процесс и открыл национальной культуре новую парадигму ее функционирования. Таким образом, логику развития художественного мышления в кабардинской литературе следует рассматривать как эволюционный процесс, неминуемо соотносенный с творчеством Али Шогенцукова и мировой литературой «полями ответственности» различной временной протяженности, эстетического и идеологического пространства.

Список литературы

Исследования

- 1 Арутюнов Л.Н. Национальный художественный опыт и мировой литературный процесс. М.: [б.и.], 1972. 26 с.
- 2 Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI–XVII веков. Нальчик: Эльбрус, 2001. 144 с.
- 3 Надъярных Н.С. Аксиология перечтения. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 336 с.
- 4 Хагазитов Ю.М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы / науч. ред. Н.С. Надъярных. Нальчик: Эльбрус, 1994. 248 с.
- 5 Урусбиева Ф.А. Портреты и проблемы. Нальчик: Эльбрус, 1990. 164 с.
- 6 Фернандо А. Реконструкция утопии / предисл. Ф. Майора, пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф. М.: Наследие, 1999. 207 с.

- 7 *Хавжокова Л.Б.* Поэтический мир Хабаса Бештокова. Нальчик: КБИГИ, 2012. 192 с.
8 *Хакуашева М.А.* Новый роман-миф Х. Бештокова «Каменный век» (1985) // *Хакуашева М.А.* Литературные архетипы в произведениях адыгских писателей. Нальчик: КБИГИ, 2007. С. 146–151.

Источники

- 9 *Бештоков Х.К.* Совесть: Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1985. 108 с.
10 *Кешоков А.П.* Вершины не спят: Роман: в 2 кн. / авториз. пер. с кабард. С. Бондарина. М.: Сов. Россия, 1970. Кн. 1: Чудесное мгновение. 447 с.; Кн. 2: Зеленый полумесяц. 337 с.
11 *Оразаев А.П.* Дорога моя не прервется. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2018. 163 с.
12 *Предания о Жабаги / сост., подгот. текстов и вступ. ст. А. Шортанова; пер. с кабард. М. Сокурова.* Нальчик: Эльбрус, 1985. 151 с.
13 *Сказания о Жабаги Казанoko / сост., подгот. текстов к печати, коммент. и прил. З.М. Налоева, А.М. Гутова.* Нальчик: Эль-Фа, 2001. 330 с.
14 *Шогенцуков А.А.* Поэмы; Камбот и Ляца: Роман. Нальчик: Эльбрус, 1980. 128 с.

References

- 1 Arutiunov, L.N. *Natsional'nyi khudozhestvennyi opyt i mirovoi literaturnyi protsess* [National Artistic Experience and World Literary Process]. Moscow, [s. n.], 1972. 26 p. (In Russ.)
2 Mokov, V.M. *Kabarda vtoroi poloviny XVI–XVII vekov* [Kabarda of the Second Half of the 16th–17th Centuries]. Nalchik, Elbrus Publ., 2001. 144 p. (In Russ.)
3 Nad'riarnykh, N.S. *Aksiologiya perechteniya* [The Axiology of Re-reading]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
4 Tkhagazitov, Yu.M. *Dukhovno-kul'turnye osnovy kabardinskoi literatury* [Spiritual and Cultural Foundations of Kabardian Literature], ed. by N.S. Nadyarnykh. Nalchik, Elbrus Publ., 1994. 248 p. (In Russ.)
5 Urusbieva, F.A. *Portrety i problemy* [Portraits and Problems]. Nal'chik, Elbrus Publ., 1990. 164 p. (In Russ.)
6 Fernando, A. *Rekonstruktsiya utopii* [Reconstruction of Utopia]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 207 p. (In Russ.)
7 Khavzhokova, L.B. *Poeticheskii mir Habasa Beshtokova* [The Poetic World of Khabasa Beshtokov]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskii institut gumanitarnykh issledovaniy Publ., 2012. 192 p. (In Russ.)
8 Khakuasheva, M.A. "Novyi roman-mif H. Beshtokova 'Kamenniy vek' (1985)" ["The New Novel-myth by Kh. Beshtokov 'The Stone Age' (1985)"] [Khakuasheva, M.A. *Literaturnye arkhetypy v proizvedeniakh adygsikh pisatelei* [Literary Archetypes in the Works of the Adyghe Writers]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskii institut gumanitarnykh issledovaniy Publ., 2007, pp. 146–151. (In Russ.)